

Миф об ошибке:
к вопросу о нормативности сочетания *самый лучший*

Наталья Ю. Муравьева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Natalia.yur.2012@gmail.com*

Аннотация. В центре внимания статьи проблема нормативности сочетания *самый лучший*. Цели исследования формулируются следующим образом: 1) опровергнуть мнение о несоответствии сочетания *самый лучший* литературной норме; 2) доказать, что данное сочетание отвечает критериям нормативности языкового явления при помощи данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ), примеров из русской классической литературы, текстового контента интернет-порталов (в том числе справочно-информационного портала «Грамота.Ру»), сведений из академических и современных грамматик русского литературного языка, справочников для редакторов, учебных пособий и словарей; 3) попытаться выявить грамматические и семантические особенности употребления сочетания *самый лучший* в сравнении с *лучший* и *самый хороший* в разных контекстах. В результате анализа установлено, что 1) нормативность аналитической формы превосходной степени *самый лучший* во многих современных авторитетных источниках замалчивается, следствием чего оказывается неоправданное лишение данного сочетания статуса нормативного, несмотря на его соответствие системе современного русского литературного языка и регулярную массовую воспроизводимость; 2) аналитическая форма *самый лучший* употребляется носителями языка для преодоления грамматической омонимии с формой сравнительной степени, как средство выражения экспрессии, а также как маркер несобственно-прямой речи; 3) у словоформы *лучший* присутствует ряд признаков самостоятельной лексики со своей парадигмой.

Ключевые слова: грамматика, стилистика, литературная норма, степени сравнения прилагательных

Для цитирования: Муравьева Н.Ю. Миф об ошибке: к вопросу о нормативности сочетания *самый лучший* // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 5. С. 33–54. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-33-54

“Myth” about the error:
on setting the norm for the word-combination
samyi luchshyi

Natalia Yu. Muravyova
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Natalia.yur.2012@gmail.com

Abstract. The article focuses on the problem of setting the norm for the word-combination *samyi luchshyi*. The purposes of this research are 1) to challenge the statement about deviation of the word-combination *samyi luchshyi* from the established literary norm; 2) to prove this pattern satisfies the criteria of defining a language fact as a normative one, under support of data from The National Corpus of Russian Language (NCRL), Russian classical literature, web-portals (including the reference and information portal «Gramota.ru»), a number of dictionaries, descriptive and prescriptive grammars of the modern Russian language, grammar reference books; publisher's guides and training manuals; 3) to reveal the grammatical and semantic peculiarities of the word-combination *samyi luchshyi* in comparison with the words *samyi horoshiy* and *luchshyi* given in different contexts. As a result, it has been found, that 1) in many authoritative works of modern scientists complex superlative degree formed with the help of an adjective in comparative degree ending in – *shyi* isn't mentioned at all, and, as follows from this fact, the word-combination *samyi luchshyi* is forcibly deprived of the normative status, despite its compliance with the system of contemporary literary language and regular mass reproducibility; 2) the analytic form of the adjective *samyi luchshyi* is used to avoid grammatical homonymy with the form of comparative degree – *luchshyi*, to mark expression and forms of nonintrinsic-direct speech; 3) it is possible to assume the word-form *luchshyi* has some of the features of the lexeme with its own paradigm.

Keywords: grammar, stylistic, literary norm, degrees of comparison of adjectives

For citation: Muravyova N.Yu. (2024), “‘Myth’ about the error: on setting the norm for the word-combination *samyi luchshyi*”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 5, pp. 33–54, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-33-54

По отношению к *лучшему* и *худшему* никакое усиление качества не кажется преувеличением.

В.В. Виноградов

Хотя против такой будто бы излишней формы восстают некоторые наши грамматиканы, но лучшие наши писатели, употребляя оную, уничтожают всякое сомнение...

Ф.И. Буслев

Введение

Сочетание *самый лучший* у всех на слуху: его мы слышим и на улице, и в аудитории, и в речи друзей, и коллег на работе – преподавателей, редакторов, научных сотрудников. Однако некоторая проблема заключается в том, что все говорят, но никто не признается: в случае переспроса или просьбы уточнить, нормативно ли такое сочетание, почти все без исключения начинают корректировать свою речь. И совершенно уверенно отвечают, в особенности редакторы и корректоры, студенты и абитуриенты, что нормативным такое сочетание не является. Почему?

Объект исследования в данной статье – сочетание *самый лучший*. Цель – выяснить, является ли это сочетание правильным, соответствует ли нормам современного литературного языка. И если соответствует, то собрать аргументы в пользу его литературности и уместности в языковой системе, а также выявить причины возникновения мифа о его ошибочности. В некотором роде детективное расследование мне помогли провести классические и современные грамматические описания, учебная литература, интернет-порталы и справочники для редакторов, словари, произведения русской классической литературы, в том числе примеры, собранные в НКРЯ, а также представленные в Корпусе данные об употреблении сочетания *самый лучший* в разных стилях и жанрах. Особое внимание при анализе примеров уделяется не только частотности сочетания *самый лучший*, но и его семантике, прагматике, стилистике, в том числе грамматической семантике и вопросу о существовании лексемы *лучший* с собственной морфологической парадигмой¹.

---

¹ Статья является продолжением начатого в 2016 г. исследования [Муравьева 2016].

1. Научные грамматики

Классические работы по грамматике обычно приводят значительное количество примеров из текстов художественной литературы, содержащих соединение слова *самый* с формой превосходной степени (в том числе *самый лучший*), но чаще всего никак не комментируют их нормативность или ненормативность – не ставя перед собой учебных целей, а лишь констатируя и описывая то, что реально присутствует в узусе (Виноградов 2001, с. 211), [Исаченко 2003, ч. 1, с. 215, Князев 2007, с. 223].

«Русская грамматика» 1980 г. [Грамматика 1980, Т. 1] и «Грамматический словарь» А.А. Зализняка (Зализняк 2003) не дают информации по этому вопросу, так как в парадигму прилагательного в понимании этих авторов включается только сравнительная степень, превосходная же остается за рамками словоизменения. Однако и «Словарь сочетаемости слов»², и 2-й том «Русской грамматики» 1980 г. [Грамматика 1980, т. 2] не включает это сочетание в круг синтаксических объектов.

В то время как «Грамматика русского языка» 1952–1954 гг. не только упоминает, но и, более того, утверждает нормативность сочетания *самый лучший*, формулируя основное правило образования форм степеней сравнения имен прилагательных следующим образом: «...сложные формы превосходной степени образуются путем сочетания местоимения *самый* с прилагательным в положительной степени, **а также с формами сравнительной степени на -ший** (*большой, меньший, высший, низший, лучший, худший, старший, младший*), напр.: *самый лучший, самый умный, самый хороший*. Этот способ образования превосходной степени является в современном русском языке **наиболее распространенным и продуктивным**» [Грамматика 1952, с. 298–299] (здесь и ниже выделение полужирным. – Н. М.).

Таким образом, искомая аналитическая форма не имеет ни стилистических, ни архаических помет, способ образования даже не представляет собой какого-либо исключения из правил, а включен в основную формулировку.

Несмотря на, казалось бы, найденный более чем четкий ответ, удивляет то, что единственная из авторитетных грамматик – издание Академии наук – в последний раз упоминает о нормативности сочетания *самый лучший* в середине XX в. И здесь появляется

² Словарь сочетаемости слов русского языка / Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М., 1983. 688 с.

желание прогнать сомнение об изменении языковой нормы с тех пор – за более чем полвека, – обнаружив подтверждение данному правилу хотя бы в каких-либо еще источниках.

2. Учебная литература

Поиски ответа на этот вопрос в учебной литературе привели к следующим результатам:

- большинство (из примерно 40 просмотренных³) современных⁴ учебных пособий и учебников по современному русскому языку, морфологии современного русского языка, по культуре речи только указывают на правило сочетания слова *самый* именно с положительной степенью прилагательного (Гвоздев 2009; Камынина 2010; Инфантова 2010; Максимов 2010; Лекант 2013; Шелякин 2005);
- или еще и четко и ясно иллюстрируют «грубые» грамматические ошибки, возникающие при соединении *самый* с формой превосходной степени (см. **самый величайший*, **наиболее красивейший*, **наименее сладчайший*, **самый интереснейший* и др. (Марковская 2015, с. 47; Черняк 2012, с. 123; Штрекер 2011, с. 242);
- и лишь три издания пишут о том, что некоторые исключения из этого общепринятого правила все-таки возможны (Черняк 2005, с. 195; Осипова 2010, с. 50; Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 2009, с. 275).

Из этих трех учебников лишь в двух – Л.И. Осиповой и Н.М. Шанского – сказано, что аналитическая форма превосходной степени образуется, в том числе, «в сочетании с формами сравнительной степени на *-ший*», в качестве примера приводится *самый лучший*. Н.М. Шанский предлагает объяснение: поскольку у слов типа *лучший* значение превосходной степени является «неосновным» и «стертым» (Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 2009, с. 275).

Из данного обзора следует вывод о том, что абсолютное большинство современных учебных и справочных пособий умал-

---

³ В поисках ответа на этот вопрос автором статьи было перелистано около 40 пособий из Подсобного фонда 3 читального зала Российской государственной библиотеки.

⁴ Включая активно переиздающиеся «классические» учебники, такие как учебники А.Н. Гвоздева, Е.М. Галкиной-Федорук, К.В. Горшковой, Н.М. Шанского и др.

чивают о нормативности сочетания *самый лучший*, что может свидетельствовать

- или об очевидности и общеизвестности этого факта (что не подтверждается мнением в том числе знакомых мне редакторов),
- или же об отсутствии твердой уверенности авторов большинства учебных пособий в правомерности использования этого сочетания в литературном языке (что предположительно может объясняться отсутствием какой-либо информации по этому вопросу в последнем издании «Русской грамматики»).

Следствием оказывается дезинформация учащихся. В частности, в вопросе № 1884561884 на портале «Грамота.Ру» студенты факультета журналистики МГУ прямо утверждают, что им на занятиях «говорили, что писать так <самый лучший> – грубейшая грамматическая ошибка»⁵.

3. Портал «Грамота.Ру»

Специалисты Справочно-информационного портала допечатной подготовки «Грамота.Ру» (целью создания которого изначально предполагалось консультирование именно практикующих редакторов) отвечают на вопрос о корректности сочетания упомянутым выше студентам журфака и всем другим интересующимся следующим образом:

- «Это допустимое сочетание для разговорной речи, в ситуации непринужденного общения. Но в **образцовой** литературной речи его **лучше избегать**» (ответы на вопросы № 287294, 288452, 292424 и др.);
- «Вопрос довольно спорный. Логически – да, слово *самый* используется в сочетании с качественным прилагательным для образования превосходной степени: *самый сильный, самый быстрый, самый умный*, а *лучший* – **уже форма превосходной степени**. Но, с другой стороны, словосочетание *самый лучший* **не режет слух**, воспринимается как **корректное**. Так говорят, так пишут. Например, в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (СПб., 2003) словосочетание *самый лучший* свободно употребляется в словарных статьях (и в толкованиях, и в качестве иллюстраций).

⁵ Справочно-информационный портал допечатной подготовки «Грамота.РУ» <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer>

Поэтому, на наш взгляд, можно говорить о том, что в данном случае **норма смягчилась**, и, **наверное**, это **правильно**. Скажем, есть сочетание, корректность которого не вызывает сомнений: *лучший из лучших*. Как иначе назвать лучшего из лучших? *Самый хороший* или *самый лучший*?» (ответ на вопрос № 1884561884 и др.⁶).

Таким образом, специалисты портала лишь подтверждают, что «так говорят», сочетание воспринимается носителями языка как привычное и даже «корректное», однако сами тут же высказывают свое личное сомнение в этой корректности и через вводное слово *наверное*, и через рекомендацию данного сочетания избегать в «образцовой литературной речи». Также интересной представляется мысль о том, что «норма смягчилась», сочетание как бы становится более правильным, чем было раньше, что доказывается ссылкой на толковый словарь 2003 г. издания. Так же важно, что словоформе *лучший* здесь приписывается значение «формы превосходной степени».

4. Толковые словари

Мнение специалистов портала противоречит взглядам составителей словарей. Толковые словари, включая размещенный на портале «Грамота.Ру» и уже упомянутый словарь С.А. Кузнецова, пишут как раз о том, что *лучший* имеет значение не только превосходной степени (это второе значение в словарной статье) от слова *хороший*, но и сравнительной степени (и это первое значение). К первому значению приводятся примеры: *Ожидать лучшей погоды; Лучшие дни еще впереди; Лучшая работа, чем была раньше, ожидала его; Лучший мир; Уйти в лучший мир* (Кузнецов 2014).

Словарные статьи – это тексты, созданные одним из авторов словарей – бесспорно авторитетным носителем языка своего времени, профессиональным лингвистом, – и представляющие собой, очевидно, один из «образцовых» текстов литературного языка, содержат интересующее нас сочетание. И такие примеры мы находим не только в словаре С.А. Кузнецова, но и в словарях Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, Т.Ф. Ефремовой, А.Н. Тихонова, «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой. В частности, С.И. Ожегов употребляет *самый лучший* в качестве иллюстративного материала в статье слова *лучший*; Д.Н. Ушаков в одноименной статье приводит

---

⁶ Там же.

пример из Тургенева: *Он был одет на **самый лучший** английский манер*; словарь под редакцией А.Н. Тихонова приводит аналогичный пример в статье к слову *хороший* и т. д. Все без исключения указанные словари объясняют семантику слова *наилучший* как «*самый лучший...*» (Ефремова 2000; Тихонов 2001; Ожегов 1986; Евгеньева 1985; Ушаков 1994).

Таким образом, сочетание *самый лучший* никак не может считаться новым веянием начала XXI в.

5. Русская классическая литература

Обращение к текстам русской классической литературы XIX–XX вв. позволяет убедиться в частотности употребления сочетания *самый лучший* в «образцовой литературной» речи, что свидетельствует о его нормативности и в прошлом столетии, и в позапрошлом.

В частности, А.С. Пушкин употребляет это сочетание в «Сценах из рыцарских времен»:

– *Ей-богу, сударь, **самый лучший** товар, дешевле нигде не найдете;*

и в письме к А.А. Дельвигу:

– *Праздный мирь не **самое лучшее** состояніе жизни, даже и Скарментадо кажется не правъ;*

– ***Самаго лучшаго** состоянія нтъ на свѣтъ; но разнообразіе спасительно для души⁷.*

Примеров найдено только три, но синонимичного грамматически правильного (согласно большинству нормативных источников) сочетания *самый хороший* в текстах А.С. Пушкина не встречается ни разу.

Если обратиться к другим классикам, то обнаруживаем следующее (данные НКРЯ, дата обращения – 15.07.2022):

---

⁷ Пример из текста «Сцены из рыцарских времен» найден в результате работы с поисковой системой «Яндекс» (<http://yandex.ru/>). Два последних примера А.С. Пушкина – в результате работы с поисковой системой Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>).

Автор	Количество употреблений <i>самый лучший</i> во всех текстах	Количество употреблений <i>самый хороший</i> во всех текстах
М.Ю. Лермонтов	5	0
Н.В. Гоголь	18	0
И.С. Тургенев	18	0
М.Е. Салтыков-Щедрин	89	0
Ф.М. Достоевский	58	2
А.П. Чехов	51	3
Л.Н. Толстой	81	32
М.М. Пришвин	52	25
М. Горький	38	0
М.А. Булгаков	16	0

Таким образом, только по этой статистике видно, что на начало XX в. наблюдается даже некоторый спад, а не увеличение количества употреблений сочетания *самый лучший*. Тем не менее не вызывает сомнений, что эта конструкция нормативна.

6. Статистические данные

Без привязки к авторству статистические данные, предлагаемые на сегодняшний день основным корпусом НКРЯ, представлены в виде графиков с распределением по годам.

График 1 посвящен сочетанию *самый хороший*, он показывает, что наибольшая активность употребления данного сочетания связана с самым концом XVIII в. – чуть меньше 10 употреблений на миллион словоформ. Частотность употребления на сегодняшний день едва превышает примерно 2 употребления на 1 миллион слов (дата обращения – 15.07.2022).

Напротив, частотность употребления *самый лучший* в наши дни составляет около 20 употреблений на миллион, продолжительный максимум принадлежит второй половине XVIII в., а наибольший всплеск активности – это 1740-е гг.: показатели стремятся к 100 употреблениям на миллион (график 2, дата обращения – 15.07.2022).

График 1. Статистика частоты употребления сочетания
самый хороший

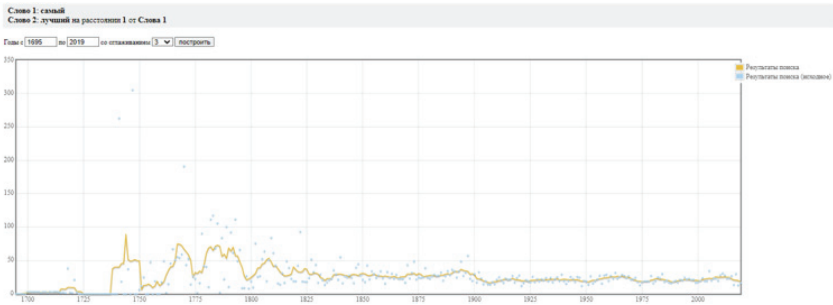

График 2. Статистика
частоты употребления сочетания *самый лучший*

Таким образом, очевидно, что *самый лучший* можно считать основным способом выражения семантики превосходности, поскольку начиная с XVIII в. разница по частоте употребления сочетания *самый лучший* и *самый хороший* десятикратно. Однако по сравнению с началом XIX в. частотность употребления *самый хороший* возрастает, а *самый лучший* уменьшается.

Впрочем, по отношению к своим максимумам XVIII в. показатели снижаются у обоих сочетаний. Интересно, что это же можно сказать и о частотности употребления словоформы *лучший* (которая, очевидно, может выражать тот же смысл превосходной степени).

Видимо, это свидетельствует о некотором росте критичности носителей языка или даже подавленности и угнетенности. Об этом же говорит и тот факт, что и словоформа *худший*, в текстах XVIII в. практически совсем не зафиксированная, по данным НКРЯ, на протяжении XX в. трижды достигает своего максимума. К этим же максимальным цифрам подошли и примеры наших дней: это период около 1925 г., в 1960-е, 1990-е гг. и в настоящее время – около 23–24 словоформ на миллион (график 3)⁸.

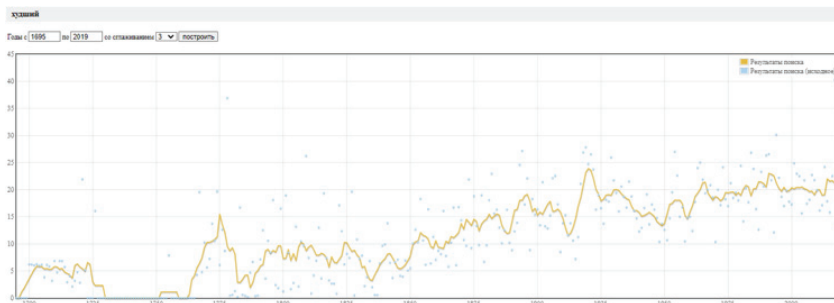

График 3. Статистика частоты употребления словоформы *худший*

Если суммировать все собранные Национальным корпусом тексты, то поиск на *самый лучший* выдает 8827 примеров употребления этого сочетания. А поиск в той же базе на *самый хороший* дает в 10 раз меньше примеров – всего 918 вхождений⁹. Не позволяют ли все указанные количественные данные утверждать, что сочетание *самый лучший* всегда было и по сей день является нормативной грамматической формой?

⁸ Для сравнения: сочетание *самый плохой* употребляется то реже, то чаще, но более-менее равномерно на протяжении двух последних веков – это 1–2 употребления на миллион словоформ; *самый худший* – наблюдается сравнительно плавное возрастание частотности употребления от нулевых или равных единице показателей XVIII в. до 2–3 единиц века XX с кратковременным всплеском в 1970-е гг. до 4 употреблений.

⁹ Для сравнения: *лучший* – найдено всего 90 261 употребление, *наилучший* – 4718 употреблений.

7. О грамматической семантике

Исторически нынешняя форма превосходной степени на *-айш-*, *-ейш-* имела семантику сравнительной (Горшкова, Хабургаев 1997, с. 261; Виноградов 2001, с. 2015), такие примеры встречаются в текстах XIX в.: *Вкусная уха и еще **вкуснейшие** тирогы* (Аксаков); *Образ Пушкина является в новом и еще **лучезарнейшем** свете* (Белинский); *Изменив голос на гораздо **грубейший** и обращаясь к квартальному...* (Герцен); а также примеры начала XX в.: *Сохранил в душе милый образ этой женщины, хотя видел **лучших** и **умнейших** ее* (Горький); *Мы выпускаем сотни грейдеров... и других дорожных машин, отнюдь не **худших**, чем американские* (Паустовский) (Голанов 2007, с. 100).

Как следствие, потребность разграничить разные – сравнительное и превосходное – значения формы, подчеркнуть максимальную степень признака приводит к использованию аналитических средств. Ср. примеры из НКРЯ:

- 4) *Мне кажется, сего вора всех замыслов и походов не только посредственному, но ниже **самому превосходнейшему** историку порядочно описать едва ли бы удалось; коего все затеи не от разума и воинского распорядка, но от дерзости, случая и удачи зависели* (Пушкин. История Пугачева, 1833);
- 5) *Кавалерия Капикулы или Спаги, содержится на счет султанской казны: составляя отборное войско (*elite*), она употребляется в решительных действиях; служит охранением особы и казны Султана, собирает подати и недоимки с губерний, и **самый высший** разряд оной не иначе сражается, как пред лицом государя* (Пушкин. Взгляд на военное состояние Турецкой империи // Сын отечества, 1826),

а также: *по **самой выгоднейшей** цене* (Гоголь); *В середине самой возвышенной скорби он вдруг зачинал смеяться **самым простонароднейшим** образом; Этот случай считаю, по совести, **самым сквернейшим** поступком из всей моей жизни* (Достоевский); *самое **убедительнейшее** доказательство* (Белинский); *Одно из **самых мучительнейших** отношений для ревнивцев – это известные светские условия...* (Л. Толстой) и многие другие примеры, найденные В.В. Виноградовым (Виноградов 2001, с. 211).

Перечисленные примеры с точки зрения начала XXI в. представляются устаревшими. Но этого нельзя сказать о примерах со словоформой *лучше* в значении сравнительной степени: *Лучшего работника не найти; Жаль, что арап, а **лучшего** жениха грех нам и желать* (Пушкин), *Лучшего* командира для головного участка

не придумаешь (Ажаев); *Дело принимает лучший, чем я ожидал, оборот. Все к лучшему. Ничего лучшего я и не желал; Лучших нет, так хорош и этот. Не покидай хорошего для (ради) лучшего* и др. Подобные предложения не режут слух и в наше время, близки к вполне употребляемым нами примерам и вполне активно используются в Интернете.

Таким образом, именно забытая авторами многих учебных пособий и справочных изданий грамматическая омонимия сравнительной и превосходной степеней сравнения прилагательных на *-ший* является основанием и объяснением для использования аналитических средств – единственного способа конкретизировать семантику суперлатива.

8. О морфологической парадигме

Еще более весомым аргументом в пользу нормативности сочетания представляются морфологические свойства слова *лучший*, его способность и в современном языке активно употребляться в форме множественного числа. Следовательно, слово предполагает не единственного носителя признака, а распространяет высокую степень признака на ряд объектов и потому уже не называет – предполагающую единичность обладателя – собственно «высшую» степень: *лучшие дни юности; лучшие качества; один из лучших рассказов* и т. д. Именно на это грамматическое свойство обращают внимание и обычные носители языка.

Из возможности и, более того, естественности образования форм множественного числа опять же следует, что семантика суперлатива у слова *лучший* и в современном языке остается неявной, а необходимость ее эксплицировать требует дополнительных – аналитических средств.

В продолжение разговора о морфологической парадигме хочется вспомнить о супплетивности форм по отношению к исходной, начальной форме. *Хороший* и *плохой* практически во всех европейских языках имеют супплетивное образование степеней сравнения. Однако лишь в русском языке существуют параллельные аналитические формы превосходной степени: *самый хороший* наряду с *самый лучший*, что рождает вопрос не только о семантическом тождестве или, наоборот, различии этих сочетаний, но и о принадлежности или не принадлежности их к одной парадигме.

Известно, что большинство других слов современного русского языка на *-ший* изменили свое значение: *старший* уже не воспринимается как словоформа из парадигмы *старый* (ни в словосочетании

старший брат, ни в словосочетании *старший научный сотрудник*), *высшее блаженство* вряд ли можно заменить на *самое высокое блаженство* без нарушения сочетаемости и т. д. Наличие двух параллельных форм превосходной степени, видимо, тоже можно считать доказательством существования двух разных слов. Система поиска НКРЯ, к слову, не выдает по запросу «превосходная степень» к слову «хороший» примеры на «лучший»¹⁰. Действительно ли это две разные лексемы?

9. О семантике и прагматике

Обсуждать семантическую разницу между словоформой *лучший* и сочетаниями *самый хороший* и *самый лучший* представляется достаточно непростым занятием: и языковое чутье без оглядки на контекст отказывается проводить четкую границу между единицами, и редакторы традиционно советуют выполнять замену псевдо-ошибочного сочетания на указанные синонимы.

Для анализа контекстов ограничимся представленными в НКРЯ фрагментами из М.М. Пришвина, поскольку у него в достаточном количестве встречаются примеры как с одним, так и с другим сочетанием, причем с разницей по частотности всего в два раза (см. табл. в разд. 5).

Итак, первая особенность – необычная частотность сочетания *самый хороший* у данного автора (менее частотно по отношению к частоте употребления сочетания *самый лучший* в 2 раза, а не в 10, как в целом по Корпусу).

Вторая особенность: 21 пример на *самый хороший* из 25 находим в тексте «Дневников» Пришвина за разные годы, а не в его художественной прозе.

Оставшиеся 4 примера из художественных текстов:

- 6) *Но не все знают, что самая-самая хорошая* клюква, сладкая, как у нас говорят, бывает, когда она перележит зиму под снегом (Пришвин. Кладовая солнца);
- 7) **Самые хорошие** мастера не позывисты, они до тех пор не бросят гон, пока ты не убьешь зверя (Пришвин. Соловей-топограф);
- 8) *С каждым днем снег становился все глубже, но пользоваться лыжами все-таки было невозможно: с грузом за спиной на*

¹⁰ Напомним, что словари рассматривают словоформу *лучший* исключительно как сравнительную или превосходную степень к начальной форме *хороший*.

*вырубке переломаеть всякие, даже **самые хорошие** лыжи* (Пришвин. Серая сова);

- 9) *Это бывает на болотах в **самые хорошие** дни* (Пришвин. Белая радуга).

В примере (6) присутствует косвенное цитирование, оценка принадлежит не повествователю, чужие слова достаточно экспрессивны, экспрессивность проявляется в редупликация служебного слова. Если замена словоформы *хороший* на *лучший* и возможна, редупликация, наверное, была бы уже излишней. В других примерах экспрессии или эмоциональности нет, стиль ровный, слова принадлежат говорящему (косвенная/несобственно-прямая речь [Ковтунова 2010] отсутствует). Замена на *лучший* возможна в примере (8), однако представляется, что ровное спокойствие стиля поменяется на несколько восторженную, может быть, возбужденную манеру изложения. *Самые хорошие лыжи* – это соответствие существующему стандарту лыж, их качество; замена на *самые лучшие* возможна, но тогда речь пойдет об эмоциональной оценке качества этого соответствия. Аналогично в примере (9) *самые хорошие дни* есть характеристика погоды, таких дней бывает немало, *самые лучшие дни* – представляется, что таких дней меньше, а характеризуется, возможно, не погода, а личные радостные события тех дней. Интересен следующий пример из воспоминаний:

- 10) *И тогда он сам притронулся к моей руке, остановил ее и сказал: «Я хочу сделать для вас только **самое хорошее**»* (Пришвин, Пришвина. Мы с тобой. Дневник любви).

Сделать *самое хорошее* – это, представляется, *самое доброе*. Замена на *самое лучшее* меняет смысл, а также, видимо, лишает ситуацию некоторого количества вариантов обещанного: *самого лучшего* интуитивно меньше, чем *самого хорошего*.

Таким образом, возможность замены сочетания *самый хороший* на сочетание *самый лучший* есть, но она не всегда обеспечивает сохранение описываемой в авторском тексте ситуации. *Самый хороший* обычно появляется в предложениях нейтральной стилистики, *самый лучший* маркирует эмоционально-экспрессивную приподнятость речи говорящего.

Самый лучший встречается в 52 примерах М.М. Пришвина, причем 39 из них опять же из «Дневников». Однако эти фрагменты или эмоциональны, или акцентируют внимание на превосходной степени, часто соседствуют с ограничительными или усилительными частицами, полнозначенательными экспрессивными лексическими средствами. В этих текстах частотны случаи прямой речи героев текста, внутренней речи или несобственно-прямой речи персонажа в авторском повествовании.

- 11) *И я Вам скажу: это не «легкомысленный ответ», а одна из **самых лучших** моих работ, в которой под именем «жизни» утверждается общественность, которой Вы так жаждете* (Пришвин. Дневники);
- 12) *Очень возможно, что куропатка **самая лучшая** дичь* (Пришвин. Дневники);
- 13) *Но страшно, когда какой-то «Он» придет, захватит, унесет изнутри все «**самое лучшее**», и Она останется с перегоревшей душой отрешенною девой, и все другие потом о ней говорят: ни ворона, ни пава!* (Пришвин. Дневники).

Таким образом, различия между сочетаниями или в оттенках значения, препятствующих автоматической взаимозамене, или в прагматике: *самый лучший* оказывается показателем эмоциональной, заинтересованной речи; маркером «голоса» героя в авторском повествовании – несобственно-прямой речи. *Самый хороший* – маркер сдержанного стиля, отсутствия эмоциональности. Невозможность замены может служить показателем разделения супплетивных форм на две лексемы. А если *лучший* – это отдельная лексема, то она имеет право и на самостоятельную парадигму степеней сравнения.

Что касается формы *лучший*, то она встречается во всех текстах «Дневников» М.М. Пришвина 242 раза (включая 52 примера в составе сочетания *самый лучший*). Критерии возможности/ невозможности замены обнаруживаются следующие:

- невозможно перифразировать субстантивированное употребление словоформы:

(14) *Я, напрягая всего себя, чтобы увидеть новое **лучшее**, готовлюсь стоять за него, воевать...* (Пришвин. Дневники);

- невозможно перифразировать словоформу с семантикой сравнительной степени:

(15) *Возьмите его, как один из боевых флажков, с собой, в ваши битвы за создание более справедливого и **лучшего** мира!* (Пришвин. Дневники).

В остальных примерах разница между *лучший* и *самый лучший* видится в охвате объектов: *лучшие года* – это чуть больше лет по сравнению с *самыми лучшими, лучших людей* несколько больше, чем *самых лучших*, а потому замена в таких контекстах предполагает уменьшение количества денотатов:

(16) *Великий истязатель увлек с собою в это окно Европы мысли лучших русских людей, но тело их, тело всего народа погрузилось не в хорошие ли дебри и топи болотные?* (Пришвин. Дневники).

Причем такое понимание разницы опять подтверждает, что *лучший* не обладает семантикой суперлатива по отношению к *хороший*, это начальная форма новой лексемы со своей парадигмой.

10. О стилистике и жанровом распределении

Согласно предоставленной основным корпусом НКРЯ статистике по употреблению сочетаний *самый лучший* и *самый хороший*, оба сочетания имеют высокую частоту использования в таких функциональных сферах, как художественная литература, публицистика и бытовая сфера (в сумме более 90% всех употреблений у каждого сочетания). Как и следовало ожидать, официально-деловые тексты составляют наименьшую долю по наличию оценочного сочетания *самый хороший* (0,44% всех примеров), однако частотность сочетания *самый лучший* в этих же текстах чуть выше – 0,61%, что позволяет текстам официально-делового стиля обогнать производственно-технические тексты и рекламу.

Интересно, что учебно-научная литература составляет базу для 7% примеров на *самый лучший*, но 3% для *самый хороший*.

Если обратиться к статистике по жанровому «типу текста»¹¹, то лидируют у обоих сочетаний, с малыми вариациями последовательности, роман (20 или 19% примеров), статья, дневник, записная книжка, повесть, мемуары, рассказ и др. Минимум употреблений – жанры стихотворения, библиография, устав, договор, конспект, притча и т. д. для *самый лучший* и отчет, комедия, автобиография, доклад и т. д. – для *самый хороший*.

Интересно, что такой тип текста, как форум в интернете, в статистическом перечне для *самый лучший* стоит на десятом месте и содержит 2% всех употреблений сочетания, а в статистике для *самый хороший* занимает чуть более высокое седьмое место и представляет почти 4% употреблений. Возможно, будет верным предположение, что авторы учебников, учебных пособий и научной литературы следуют своему языковому чутью и «смелее» употребляют анализируемую форму не только в устной, но и в письменной речи, в то время как в речи пользователей форумов как раз проявляется гиперкоррекция.

¹¹ Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>).

Среди жанров у обоих сочетаний лидируют тексты, названные в НКРЯ нежанровой прозой: одинаково по 22% употреблений. С заметным отрывом следуют документальная, детская, историческая проза (по 3–4%) и т. д. Единичные употребления (0,1% или даже 0,05%) отмечены в текстах медицинской прозы, сентиментальной прозы, в переводных текстах. Особое внимание обращает на себя последний пункт: возможно, речь идет о сомнениях переводчиков, демонстрирующих некоторую осторожность по отношению к обоим сочетаниям из-за несоответствия между их языковым чутьем и малодоступностью информации о кодификации исследуемого явления.

11. Выводы

Норма в узком смысле – это «результат целенаправленной деятельности общества по отбору и фиксации определенных языковых средств в качестве образцовых, рекомендуемых к употреблению», она определяет кодифицированный литературный язык [Крысин 2015, с. 147–148]; в широком смысле «норма соответствует не тому, что “можно сказать”, а тому, что “уже сказано” и по традиции “говорится” в рассматриваемом обществе» [Косериу 1963, с. 175]. Очевидно, что нас интересует причастность/непричастность сочетания *самый лучший* к кодифицированному литературному языку, в нормативности в широком понимании сомнений не возникает.

По данным Лингвистического энциклопедического словаря, «признание нормативности языкового явления или факта основывается на наличии по крайней мере трех признаков: на соответствии данного явления структуре языка; на факте массовой и регулярной воспроизводимости данного явления в процессе коммуникации; на общественном одобрении и признании соответствующего явления нормативным» (Семенюк 1990). В случае с сочетанием *самый лучший* можно с уверенностью говорить о массовой воспроизводимости и, с оглядкой на семантику формы, – о соответствии формы системе. Общественное одобрение, однако, остается на настоящий момент несколько спорным, как бы умалчиваемым, что и послужило поводом написания данной статьи.

Причина умолчания и массового сомнения видится в исчезновении по чисто теоретическим соображениям информации о формах превосходной степени, аналитических формах в частности, в последнем академическом издании Русской грамматики 1980 г. Именно на это издание ориентируются авторы учебной и справочной литературы, учителя и редакторы в вопросах морфологических свойств слова, не попадающих в грамматические словари. Немалую роль играет и сравнительно редкое употребление словоформы *луч-*

ший в значении сравнительной степени: грамматическая омонимия не «бросается в глаза». Создается иллюзия однозначности, лексикографические описания, в которых неоднозначность растолковывается, не достаиваются внимания наших современников.

Однако незаслуженно забытая (в учебной и справочной литературе) кодификация (зафиксированная в Грамматике русского языка 1952–1954 гг., основных толковых словарях и лишь отдельных современных учебниках) не отменяется ее забвением. По крайней мере до тех пор, пока *лучший* способно выразить в том числе идею сравнительной степени, а аналитические средства помогают избежать грамматической неоднозначности, подчеркнув семантику превосходности.

Что касается уместности/неуместности сочетания *самый лучший* в «образцовой литературной речи», то представляется, что дело не в образцовости, а в стилистическом предпочтении: видимо, консультанты «Грамоты.Ру» имели в виду нейтральную неэмоциональную речь, при сдержанной тональности изложения, обязательной для ряда стилей и жанров. Ни у кого не вызывает сомнения, что сочетание *самый лучший* вряд ли будет уместным в официально-деловой или производственно-технической документации. Однако анализ самих текстовых фрагментов, в том числе с точки зрения частотности употребления сочетания *самый лучший*, по данным НКРЯ, в разных стилях и жанрах, утверждают нас в понимании того, что перед нами сравнительно не частый пример влияния стилистической нормы на выбор грамматических средств.

Кодифицированный литературный текст эмоционального содержания не мыслится без сочетания *самый лучший* (по крайней мере, сочетание *самый хороший* в нем будет менее неуместно). Преобладание примеров в текстах художественной литературы связано не только с прямой речью героев. Авторский текст, в том числе автобиографической, дневниковой, мемуарной прозы, насыщен такими примерами начиная с А.С. Пушкина. В ряде случаев, оказываясь маркером эмоциональности, сочетание выступает и показателем несобственно-прямой речи (выражения в формально авторском тексте мыслей и сознания героя).

Хочется более детального и объемного исследования примеров с сочетаниями *самый лучший*, *самый хороший* и словоформы *лучший* на предмет возможности/невозможности замены и сохранения/потери семантических и прагматических смыслов. На настоящий момент анализ примеров М.М. Пришвина и внимание к грамматическим свойствам *лучший* дали возможность предполагать его существование как самостоятельной лексемы с собственной парадигмой, в том числе формами категории степеней сравнения.

Источники

- Виноградов 2001 – *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 2001. 720 с.
- Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 2009 – *Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.В., Шанский Н.М.* Современный русский язык: Лексикология, фонетика, морфология. М., 2009. 408 с.
- Гвоздев 2009 – *Гвоздев А.Н.* Современный русский литературный язык. Ч. 1: Фонетика и морфология (теоретический курс). М., 2009. 472 с.
- Голанов 2007 – *Голанов И.Г.* Морфология современного русского языка: Учеб. пособие. М., 2007. 256 с.
- Горшкова, Хабургаев 1997 – *Горшкова К.В., Хабургаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Изд-во МГУ, 1997. 384 с.
- Евгеньева 1985 – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1–4. М., 1985–1988.
- Ефремова 2000 – *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. М., 2000.
- Зализняк 2003 – *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 2003. 800 с.
- Инфантова 2010 – Русский язык: Морфология / Под ред. Г.Г. Инфантовой. М., 2010. 351 с
- Камынина 2010 – *Камынина А.А.* Современный русский язык: Морфология. М., 2010. 240 с.
- Кузнецов 2014 – Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2014. 1534 с. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>
- Лекант 2013 – Современный русский литературный язык / Под ред. П.А. Леканта. М., 2013. 766 с.
- Максимов 2010 – Современный русский литературный язык / Под ред. В.И. Максимова. М., 2010. 513 с.
- Марковская 2015 – *Марковская В.И.* Культура русской речи: нормативный и этический аспекты: Учеб. пособие. М., 2015. 164 с.
- Ожегов 1986 – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1986. 797 с.
- Осипова 2010 – *Осипова Л.И.* Морфология современного русского языка. М., 2010. 192 с.
- Семенюк 1990 – *Семенюк Н.Н.* Норма языковая // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/337b.html>
- Тихонов 2001 – Комплексный словарь русского языка / Под ред. А.Н. Тихонова. М., 2001. 1229 с.
- Ушаков 1994 – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1994.

- Черняк 2005 – Русский язык и культура речи / Под ред. В.Д. Черняк. М.; СПб., 2005. 509 с.
- Черняк 2012 – Русский язык и культура речи / Под общ. ред. В.Д. Черняк. М., 2012. 494 с.
- Шелякин 2005 – *Шелякин М.А.* Справочник по русской грамматике. М., 2005. 355 с.
- Штрекер 2011 – *Штрекер Н.Ю.* Русский язык и культура речи. М., 2011. 351 с.

Литература

- Грамматика 1952 – Грамматика русского языка. Т. 1: Фонетика и морфология. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 720 с.
- Грамматика 1980 – Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова: В 2 т. М., 1980.
- Исаченко 2003 – *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. Ч. 1. М.: Издат. дом «ЯСК», 2003. 880 с.
- Князев 2007 – *Князев Ю.П.* Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.
- Ковтунова 2010 – *Ковтунова И.И.* «Несобственно прямая речь» в языке русской литературы конца XVIII – первой половины XIX в. М.: Азбуковник, 2010. 284 с.
- Косериу 1963 – *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 143–309.
- Крысин 2015 – *Крысин Л.П.* Вариативность нормы как естественное свойство литературного языка // Крысин Л.П. Статьи о русском языке и русских языковедях. М.: Флинта: Наука, 2015. С. 146–156.
- Муравьева 2016 – *Муравьева Н.Ю.* О нормативности сочетания «самый лучший» в современном русском языке // Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. Будапешт: Российский культурный центр, 2016. С. 132–140. (Сер. «Вестник Российского культурного центра»; вып. 30)

References

- Grammatika russkogo yazyka. T. 1. Fonetika i morfologiya.* (1952) [Phonetics and morphology], Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow, USSR.
- Isachenko, A.V. (2003), *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii s slovatskim: Morfologiya* [The grammatical structure of the Russian language in comparison with Slovak: Morphology], part 1, Izdatel'skii dom "YaSK", Moscow, Russia.
- Kovtunova, I.I. (2010), "Nesobstvenno pryamaya rech' " v yazyke russkoi literatury kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX v. ["Improperly direct speech" in the language of Russian literature of the late 18th century – the first half of the 20th century], *Azbukovnik*, Moscow, Russia.

- Knyazev, Yu.P. (2007), *Grammaticheskaya semantika: Russkii yazyk v tipologicheskoi perspective* [Grammatical semantics: Russian language in a typological perspective], *Yazyki slavyanskikh kul'tur*, Moscow, Russia.
- Koseriu, E. (1963), "Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya" [Synchrony, diachrony and history], in *Novoe v lingvistike* [New in linguistics], iss. 3, Moscow, USSR.
- Krysin, L.P. (2015), "Variativnost' normy` kak estestvennoe svojstvo literaturnogo yazy'ka" ["Variability of norms as a natural property of a literary language"], in Krysin, L.P., *Stat'i o russkom yazyke i russkikh yazykovedakh* [Articles about the Russian language and Russian linguists], Flinta, Nauka, Moscow, Russia, pp. 146–156.
- Muravyova, N.Yu. (2016), "O normativnosti sochetaniya 'samyi luchshii' v sovremen-nom russkom yazyke" [On the normativity of the combination "the best" in modern Russian language], in *Sovremennyi russkii yazyk: funkcionirovanie i problemy prepodavaniya* [Modern Russian language: functioning and problems of teaching], Rossiiskii kul'turnyi tsentr, Budapesht, Hungary, pp. 132–140. (*Seriya "Vestnik Rossiiskogo kul'turnogo tsentra"; vyp. 30*)
- Shvedova, N.Yu., ed. (1980), *Russkaya grammatika* [Russian grammar], 2 vols., Nauka, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Наталья Ю. Муравьева, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Natalia.yur.2012@gmail.com

Information about the author

Natalia Yu. Muravyova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; Natalia.yur.2012@gmail.com